
Личностные диспозиции насильственного экстремизма

Давыдов Д.Г., кандидат психологических наук, руководитель лаборатории проблем социализации подросткового возраста, ГБУ Городской психолого-педагогический центр Департамента образования города Москвы (DavydovDG@edu.mos)

В статье раскрыты различия в сущности экстремизма и радикализма, обоснована необходимость введения уточняющего понятия «насильственный экстремизм». Показано, что идеология является объяснением экстремистского поведения, нежели его причиной. Идеология экстремизма часто эклектична, противоречива и легко может трансформироваться, меняя объект враждебного отношения в зависимости от ситуации. Для описания психологических причин экстремизма предложено использовать понятие диспозиции. Диспозиция представляет собой предпочитаемый способ субъективной интерпретации реальности и отражает как определенные потребности индивида, так и типичные социальные ситуации их удовлетворения, личный опыт человека. Рассмотрены следующие диспозиции насильственного экстремизма: Культ силы и агрессивность, Интолерантность, Аут-групповая враждебность, Конвенциональное принуждение, Социальный пессимизм и деструктивность, Мистичность, Борьба и преодоление, Нормативный нигилизм, Анти-субъективизм. Предложено использовать указанные диспозиции как диагностические критерии и как ориентиры в профилактической и коррекционной работе.

Ключевые слова: экстремизм, насилие, личностные диспозиции, авторитаризм, идеология, диагностика, профилактика.

Для цитаты:

Давыдов Д.Г. Личностные диспозиции насильственного экстремизма. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 1. С. 106-121. doi: 10.17759/psylaw.207070109

For citation:

Davydov N.G. The personal dispositions of violent extremism. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiia i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 1. pp.106-121. doi: 10.17759/psylaw.2017070109

Своеобразной платой за современную свободу общества и разнообразие в общественной жизни является появление радикальных социальных групп, ориентированных на насилие. Для такой угрозы все чаще применяется понятие экстремизма, вошедшее сначала в политический дискурс, а затем в юридическую и административную практику и, наконец, в научный оборот.

На первый взгляд, может показаться, что проблема экстремизма не самая важная, так как количество зарегистрированных преступлений экстремистской направленности ничтожно мало по сравнению с преступлениями иных видов. Но эти преступления подобны детонатору, так как посягают на мир и согласие между различными социальными (национальными, религиозными и т. д.) группами российского общества. То, что мы не видим сегодня на улицах скинхедов, не должно успокаивать. Благодаря ужесточению законодательства и решительным действиям правоохранительных органов, экстремизм загнан в подполье, хотя еще заметен [18] и периодически поднимает голову (вспомним события в Москве на Манежной площади в декабре 2010 г. и в районе Бирюлево в октябре 2013 г.).

Экстремизм – сравнительно новое понятие, относящееся к давно известному в человеческой истории типу поведения. Основные признаки такого поведения – крайняя нетерпимость к отдельным социальным группам, упрощенность и негибкость взглядов, склонность к широкому применению насилия и чрезмерной жестокости. Научный период осмысления этого феномена ведет отсчет от психологии масс (Г. Тард и Г. Лебон) и теории инстинктов социального поведения (У. Макдаугал). XX век с его кровавыми конфликтами всколыхнул интерес исследователей и привел к формированию нескольких научных подходов к проблемам авторитарной личности, фашизма, ксенофобии и национализма.

С введением в последние годы понятия «экстремизм» в научный дискурс встала проблема его определения. Как это часто случается в социальных науках, сколько-нибудь определенного подхода к наполнению этого понятия содержанием не найдено. Сам термин «экстремизм» (от лат. *extremus* – край, конец) появился в политико-философской терминологии в XVII в. и имел значение крайнего противоречия, чрезвычайности. Со временем, сложилось обобщенное понимание экстремизма как пропаганды и использования крайних средств (прежде всего насилия) для достижения каких-либо целей. К сожалению, слово «крайний» весьма нечетко описывает диапазон экстремистского поведения.

Прежде всего, экстремизм следует отличать от радикализма (от лат. *radicalis* – коренной, глубинный), который обычно относят к идеологии. Например, идея восстановления монархии в России является радикальной, но ее высказывание само по себе не является экстремизмом, если не сопровождается насильственными действиями, перечисленными в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» (№ 114-ФЗ от 25 июля 2002 г.).

Поскольку законодательство и политический дискурс довольно широко определяют экстремизм, возникает необходимость выделения объекта психологического анализа. Представляется, что такое уточнение может быть сделано переходом на поведенческий уровень и введением ключевого признака «насильственный», аналогично сложившейся традиции в зарубежных исследованиях (*violent extremism*). Это дает возможность оставить за рамками анализа радикальные идеологические течения, политические взгляды и просто мнения, противоречащее сложившимся в обществе взглядам.

В этой связи следует отметить распространенную ошибку напрямую выводить экстремизм как следствие из определенной идеологии [27]. Можно согласиться с Ю.А. Зубок и В.И. Чупровым, что отношение между насильственным экстремизмом и идеологией носит сложный характер и обусловлены рядом социальных факторов [17]. То, что идеология

определяет поведение, выглядит естественным с точки зрения здравого смысла, однако, как известно социальным психологам со времен экспериментов Р. Лапьера и Л. Фестингера, эта связь может носить и обратный характер. Действительно, проявления экстремизма обычно включают в себя и приверженность определенным взглядам, однако экстремистское поведение скорее оправдывается соответствующей идеологией, чем основывается на ней.

Существует примечательная форма насильственного подведения, похожего на экстремизм, но совершенно обходящегося без идеологии. Так, группировки футбольных хулиганов не прячутся за идеологией, не скрывают, что основной мотив их действий – желание чувствовать себя толпой, выплеснуть эмоции и накопившуюся агрессивность, развлечься [4]. Анализ ценностей правых экстремистов также подтверждает возможность фактически бесцельного совершения ими агрессивных действий [14].

С точки зрения наблюдаемого поведения, околофутбол может быть рассмотрен как вариант экстремизма: те же межгрупповая вражда, те же демонстративные агрессивные действия, отсутствует лишь идеологический фон. Именно в «футбольном экстремизме» ясно видна его неидеологическая и нерациональная природа экстремизма вообще. Действительно, нелепыми выглядят попытки найти рациональное объяснение насилию футбольных хулиганов. Глупо будет предположить, что похожие, обучающиеся в одних школах и живущие в соседних дворах подростки нападают друг на друга по причине нелюбви к футбольному клубу соперников. Аналогичные механизмы экстремистского поведения видны у враждующих поклонников музыкальных групп, территориальных образований («двор на двор») и т. д.

Идеологический аспект экстремизма все же не стоит упускать из виду, потребность в идеологии составляет одну из важных сторон экстремизма. Многие экстремистские группы озабочены выработкой или принятием идеологии, желают, чтобы они воспринимались как «идейные борцы». Распространение идеологии становится одним из средств борьбы, формой поведения: о том, насколько это важно для них, можно судить по их высокой издательской и сетевой активности, проводимой несмотря на преследования правоохранительных органов.

Очевидно, что экстремистское поведение возникает как ответ на потребность в объяснении своего поведения, в придании ему рациональности, и, таким образом, в уходе от когнитивного диссонанса. Можно предположить, что подходящая идеология делает агрессивное поведение «оправданным», снимает тревогу и угрызения совести за совершаемые поступки. Один из типичных аргументов скинхедов – *«Именно благодаря нашей тяжелой и опасной работе, всякая цветная нерусь понимает, что у русской нации есть кулаки»* [3, с. 26] – удивительно напоминает пример о вражде диких племен, приводимый У. Мак-Дауголлом: «Обыкновенно в этих войнах между племенами не преследуется никакой выгоды... И если кто-нибудь спросит у интеллигентного вождя, почему он ведет эти бессмысленные войны, он сошлется на то, что иначе соседи не будут уважать его народ и уничтожат его» [21, с. 206–207].

Таким образом, потребность в насилии создает не идеология, идеология оправдывает насилие. Собственно, сама идеология опасна как прикрытие, как обоснование и потому как стимулирование агрессии. Какая именно идеология подвернется для оправдания, это зависит от конкретной социальной ситуации. Это может быть ультранационализм или фашистские идеи, а может быть крайний анархизм или борьбы за экологию. Частный вывод

из этого может быть, например, таким: путь к профилактике национально окрашенного экстремизма путем изменения отношений к другой нации есть попытка влиять на следствие в надежде изменить причину.

Это делает понятным, почему идеология экстремизма эклектична и полна противоречий, почему она не рациональна. Например, «идеология» некоторых движений представляет собой невообразимую смесь левых и правых идей, часто противоречащих друг другу. Закономерно, что идеология экстремистских групп нестабильна и легко может трансформироваться, меняя объект враждебного отношения в зависимости от ситуации: сегодня враги проезжие нерусские, завтра – все нерусские, потом «неправильные» русские.

Если не идеология определяет экстремизм, тогда возникает соблазн найти некую базовую потребность или личностную черту (совокупность черт), которые ведут человека к экстремизму, или же выделить личностный тип экстремиста. Наиболее известный пример такого подхода – концепция авторитарной личности [1]. Персонологический подход, не учитывающий социальную ситуацию, в которой действует индивид, не позволяет, однако, сколько-нибудь удовлетворительно предсказать поведение человека [10]. Имеющиеся в современной литературе попытки выявить некие особые качества личности, присущие только экстремистам, по сути, приводят лишь к фиксации особенностей поведения, являющихся скорее следствием жизненной ситуации, а описываемые феномены не укладываются в рамки традиционных психологических концепций личности [33].

Очевидно, в исследовании экстремистского поведения нецелесообразно рассчитывать на выявление глубинных и неизменных личностных черт. В то же время обращение к поверхностному объяснительному уровню непосредственных побуждений (аттитюдов), тоже не оправдано, поскольку аттитюды весьма переменчивы и слабо связаны с реальным поведением [2, с. 284–286]. Здесь скорее важно обратить внимание на средний уровень – как личность удовлетворяет существующие базовые потребности в зависимости от социальной ситуации. Согласно одному из прицепов ситуационного подхода [28], результатом взаимодействия личности и ситуации является субъективная интерпретация. Следует предположить, что важные различия в предпочитаемых способах субъективной интерпретации и отличают лиц, склонных к насильственному экстремизму.

К подобным типичным для индивида способам субъективной интерпретации социальной реальности хорошо подходит термин «диспозиция», введенный В.А Ядовым [34]. Диспозиция, отражает как определенные потребности индивида, так и типичные ситуации их удовлетворения, личный опыт. Идея диспозиций требует сосредоточиться не на базовых личностных потребностях и качествах, а на временных, зато более актуальных и более прогностических проявлениях. С точки зрения профилактики, ориентация на выявление диспозиций предлагает больше обращать внимание на социальные ситуации, в которых реализуются потребности. Рассмотрение представлений об авторитарной личности Т. Адорно [1], Концепции правого авторитаризма Б. Альтмайера [36] и анализ основных потребностей и социальных условий, лежащих в основе экстремистского поведения [13], позволяют предложить перечень таких диспозиций, являющихся в то же время диагностическими признаками склонности к экстремизму.

1. Культ силы и агрессивность. Эта диспозиция связана с восприятием насилия как предпочитаемого способа разрешения конфликта и утверждения своей правоты. Проявлением данной диспозиции являются: восприятие реальности в таких категориях, как

сильный–слабый и господство–подчинение; «прагматизм насилия», т. е. вера в его эффективность как средства решения социальных проблем, допустимость агрессии как способа снятия фрустрации; «ценность насилия» – его связь со статусом, авторитетом, честью. Для этой диспозиции свойственна идентификация себя с образами, воплощающими силу, выставление напоказ своей силы и крепости. Противоположностью такой диспозиции выступает признание необходимости договариваться, учитывать мнение других.

Многие исследователи выводят склонность к экстремистскому поведению из социальных условий, прежде всего неустроенности, неудовлетворенности своим положением. С точки зрения теории Н. Миллера и Д. Долларда, агрессивный экстремизм имеет социальную природу и его источником выступает накапливающееся у индивида состояние фрустрации [37]. Фрустрация возникает в условиях, блокирующих достижение желаемой цели. Соответственно, финансовые проблемы семьи, безработица, отсутствие возможности социального продвижения на фоне навязчиво транслируемых в СМИ ценностей потребления и успеха, ведут к фрустрации. Естественным (но не неизбежным) следствием фрустрации является агрессия. Если непосредственно проявить агрессию в направлении фрустрирующих объектов (школа, родители, государство и т. д.) человек не может (например, вследствие ожидаемых негативных последствий), то агрессивные импульсы сдерживаются. Сдерживание само по себе может явиться источником дополнительной фрустрации. Кроме того, сдержанная агрессия обычно «смещается», направляется не против непосредственного источника фрустрации, а на какой-либо другой, как правило, безобидный объект (мигрантов, бездомных и т. д.).

В среде экстремистов, однако, достаточно много выходцев из вполне благополучных слоев населения. Здесь следует обратить внимание на то, что фрустрация может быть вызвана не только объективными причинами неблагополучия, но и завышенными ожиданиями [16]. В исследованиях, посвященных относительной депривации показано, что чувство неудовлетворенности, вызванное уверенностью людей в том, что они имеют меньше, чем того заслуживают, ведет к состоянию фрустрации и к агрессивному поведению [20]. Относительная депривация возникает вследствие сравнения своего социального положения и условий жизни с положением и условиями других людей. Продукция массовой коммуникации, рисуя «красивую жизнь», часто задает стандарт для сравнения. При этом, чем больше человек имеет, тем сильнее завидует тем, кто имеет больше. Поэтому неудовлетворенность своим положением в обществе проявляют не самые обездоленные, а относительно благополучные слои и социальные группы. Ответственность за свое «незавидное положение» индивид может возлагать на различные внешние обстоятельства, такие как несправедливые законы, массовая миграция, непропорциональность представительства в органах власти отдельных национальностей и т. п. Уличные беспорядки, демонстрации, погромы, террор, восстания – вот арсенал средств, к которым прибегают социальные группы, ощущающие себя обделенными и пытающиеся быстро и бесповоротно «восстановить справедливость» [9].

Важным социальным условием развития данной диспозиции выступает транслируемый обществом набор социальных ценностей и норм, известный как культура насилия. Хотя одним из неперенных атрибутов современного цивилизованного мира является формальное неприятие насилия, культура насилия в обществе сохраняется и служит мощным фактором, провоцирующим экстремизм. Как феномен культура насилия основана на существовании насилия как социальной ценности, как основания социального статуса и одновременно как средства разрешения проблем. Парадоксальным образом

насилие в обществе порицается и в то же время оправдывается и широко используется [31]. В этом парадоксе и заключена одна из главных трудностей профилактики экстремизма. Убежденность экстремистов в ценности насилия – это не есть проявление какого-то особого, «девиантного», мышления. Это лишь крайняя степень согласия с ценностями насилия, свойственного большинству. Если быть внимательным, то можно заметить, что лозунги экстремистов часто напоминают аргументы отдельных, вполне легальных политических лидеров о необходимости показывать кулаки, чтобы «наше государство уважали».

Представления о насилии и противостоянии вообще занимают значимое место в картине мира современного человека [6; 39], отражены в мифах и древних символах человечества, воспевающих сакральность борьбы, «общекосмический дуализм противостояния светлых и темных сил» [15, с. 357]. Ценность насилия окружает человека с раннего детства в содержании мультфильмов, сказок, в распространенности детских военных игрушек [5].

Ключевым проявлением культуры насилия и провокации экстремизма, является язык. В актуальном дискурсе СМИ тема насилия не только присутствует, она ощутимо связана с социальной идентичностью [12]. Замечено, что насильственный дискурс СМИ в тоталитарных обществах усиливается [7], что непосредственно сказывается на росте враждебных установок у населения. Удивительно, но даже педагоги часто обращаются к «насильственным» метафорам, формируя тем самым конфронтационность в образе мира своих учеников [24]. Казалось бы, безобидные метафоры, вроде «дать по рукам» или «выбивать дурь», в педагогической коммуникации закрепляют у обучаемых представление о насилии как одном из возможных средств разрешения социальных проблем.

2. Интолерантность. Экстремистское поведение, независимо от поддерживаемой идеологии, сопровождается характерными установками стремления к однозначности образа мира, неприятия отличий других людей, отрицания возможности инакомыслия и стремления навязать окружающим свои взгляды любой ценой. Выделение этой диспозиции логически следует из определения насильственного экстремизма. Так, для лиц склонных к экстремистскому поведению характерно отрицание ценностей универсализма (по Ш. Шварцу, – понимания, терпимости, защиты благополучия всех людей) [14]. Потребность, лежащая в основе интолерантности, отражает необходимость иметь простой и однозначный образ мира, избегать связанного с противоречиями когнитивного диссонанса. Важную роль играет социальная среда, избавляющая индивида от конфликтов с неопределенностью и приветствующая однозначную («правильную») интерпретацию реальности. Противоположностью этой диспозиции выступает терпимость к противоречиям, готовность согласиться с правом другого на иную точку зрения, даже если она кажется неверной, готовность принять возможную неправильность своей собственной позиции, осознание того, что наличие других типов культур и других мировоззрений вполне допустимо.

3. Аут-групповая враждебность. Диспозиция выражает потребности в аффилиации, групповой сплоченности и в высокой самооценке. Ведущей здесь выступает потребность в принадлежности к «своей» социальной группе. Это ведет, с одной стороны, к необходимости очертить границы группового членства, а с другой, обеспечить групповую сплоченность. Как замечает Д. Майерс, социальное определение того, кем вы являетесь, подразумевает определение того, кем вы не являетесь [20, с. 452]. Только ощущение, что есть «Они»

рождает желание самоопределиваться по отношению к «Ним», обособиться от «Них» в качестве «Мы» [26, с. 84]. Фундаментальный принцип выражен Б.Ф. Поршневым так: «..... всякое противопоставление объединяет, всякое объединение противопоставляет, мера противопоставления есть мера объединения» [25, с. 14]. Закономерно, что самым легким и надежным способом идентификации является поиск враждебной группы. Желание самоопределиваться по типу «Мы» против «Они» поддерживает чувство враждебности к иным группам. Неважно, против кого объединяться – против тех, кто живет в другом дворе, приехал из другого города, имеет другую национальность, веру, внешность [16]. Групповая сплоченность, в свою очередь, приводит к подверженности давлению «своей» социальной группы (чаще всего это группа сверстников). В результате формируется готовность совершить правонарушение «за компанию». Действительно, большинство экстремистских проявлений совершается спонтанно в составе небольших по численности групп [17].

Враждебность к другим группам может служить средством формирования позитивного образа Я [11]. Так, обнаружено, что уровень физической агрессии правых экстремистов обратно связан с их самооценкой [14]. Согласно теории социальной идентичности Г. Теджфела, индивид стремится благоприятно оценивать свою группу и таким образом поднять собственную самооценку. Поэтому в своих отношениях группы сравнивают себя с другими по выгодным для себя критериям. Если другая группа угрожает доминантной по критериям сравнения, ее представители вызывают неприязнь [40]. В экспериментальных исследованиях показано, что угроза самооценке приводит к усилению негативных оценок представителей другой группы, в отношении которой существуют негативные стереотипы. Это, в свою очередь, способствует повышению самооценки у испытуемых [38]. Таким образом, проявление экстремистской позиции к другой национальной или религиозной группе часто является следствием потребности в аффилиации с «сильной» группой и в позитивной самооценке.

Диспозиция активизируется в ситуации, когда индивид не находит других критериев, достаточных для формирования позитивного Я, и когда другие, нормативные, социальные группы являются для него недоступными или непривлекательными.

4. Конвенциональное принуждение. Идея этой диспозиции высказана Т. Адорно, который отмечал у авторитарной личности тенденцию выискивать людей, не уважающих общие (конвенциональные) ценности, чтобы осудить, отвергнуть и наказать их. Диспозиция ярко проявляется как приоритет восстановления справедливости перед гуманистическими ценностями в виде жесткости требований к себе и другим и запросах на введение цензуры.

Механизм формирования этой диспозиции соответствует модели «фрустрация–агрессия». По мысли Т. Адорно, индивид, подавляя враждебные чувства по отношению к авторитетам своей группы (в том числе к родителям), переносят «плохие» качества этих носителей власти – их воображаемую непорядочность, корыстность, властолюбие – на группы чужаков, и, затем, обвиняет их [1, с. 56-57]. Таким образом, вытесненная авторитарная агрессия переадресуется группам чужаков. Придя к убеждению, что есть люди, заслуживающие наказания, индивид находит отдушину, в которую он может направлять свои глубинные агрессивные импульсы и считать себя при этом вполне правильным человеком. Поэтому насилие столь часто оправдывается моралистическими речами.

5. Социальный пессимизм и деструктивность. Содержанием диспозиции являются: предрасположенность представлять мир как мрачный, непредсказуемый и опасный; общая враждебность, цинизм и очернение различных человеческих проявлений (дружбы, брака, секса и т. п.). Характерны эсхатологизм, негативный взгляд в будущее, ожидание катастрофы. В интерпретации поведения других проявляется подозрительность. Кроме того, эта диспозиция проявляется как в снижении ценности жизни противников, так и в невысокой ценности собственной жизни [3, с. 28; 33]. Собственная жизнь и жизнь окружающих с легкостью приносятся в жертву «идее». Если принять точку зрения Т. Адорно, то в основе этой диспозиции лежит проекция своих неосознанных, инстинктивных импульсов на внешний мир.

Значимым последствием этой диспозиции является склонность к формированию образа врага. Экстремисты не воспринимают своих идеологических противников в качестве нормальных людей, поэтому не чувствуют необходимым применять к ним нормы человеческих отношений, чувствовать сострадание. Типичное обоснование отказа в сочувствии звучит так: «Во имя нашего дела, во имя Белой Идеи мы не щадим себя и за это получаем священное право не щадить наших врагов» [30].

6. Мистичность. В основе данной диспозиции лежит уход от ответственности [32] и потребность в защите от страха перед реальностью [35], стремление к объяснению явлений окружающего мира простыми, но эмоционально яркими схемами, потребность в романтизации и потребность в устранении логических противоречий в своем поведении. Прежде всего – это тенденция индивида приписывать собственную ответственность внешним, неподвластным собственному контролю силам. Заметным признаком здесь является суеверность, увлечение астрологией и т. д. В объяснении текущих событий индивид пытается найти символы, имеющие особое значение. Любовь к символам (знакам, числам, эмблемам и т. д.) сочетается с опорой на мистические откровения или интуицию, заменяющую рациональное познание и логическое рассуждение. Диспозиция может проявляться в виде веры в мистическое предначертание собственной судьбы и особую миссию своей социальной группы, что, в свою очередь, сочетается с установками национального (расового и т. д.) шовинизма и ксенофобии. В качестве наиболее явного примера такой диспозиции можно назвать нацистский оккультизм.

7. Борьба и преодоление. Основой подобной диспозиции служат потребности в неадаптивной активности, поисковом поведении, поиске ощущений. Прежде всего, это проявляется как стремление к героическим действиям, к неизвестному, к приключениям и преобразованиям, готовность к риску, готовность жертвовать собой ради идеи. Говоря о юношеском возрасте, А.Б. Залкинд и Л.С. Выготский подобные диспозиции называют «доминантой романтики» и «доминантой усилия»; они характеризует тягу молодых людей к сопротивлению, преодолению, к волевым напряжениям, которые в условиях мирного времени и благоустроенной городской среды выплескиваются в виде протеста против воспитательного авторитета [8, с. 37]. Неадаптивная активность в концепции В.А. Петровского, хотя и служит источником развития личности, всегда предполагает определенную вероятность девиаций поведения [23]. Согласно В.С. Ротенбергу, если социальная среда не дает возможности реализовать потребность в поисковой активности, следствием может стать немотивированная жестокость [29]. Потребность человека в разнообразных, новых и сложных ощущениях бывает столь сильной, что человек, которые ищет ощущения, часто рискует в физическом или социальном плане только ради того, чтобы получить такой опыт [41]. Указанные потребности могут быть реализованы и

социально приемлемыми путями, например, занятием экстремальными видами спорта [3]. Но если для современного экстремального спорта обычно нужна дорогая экипировка и длительная подготовка, то участие в противоправных акциях, побоищах футбольных хулиганов или расистских нападениях позволяют индивиду сравнительно просто получить искомый «адреналин». Иными словами, люди, потребности которых в активности и романтизме традиционные социальные институты удовлетворить не могут, становятся легкой добычей экстремистских организаций, обещающих «...жизнь, полную героизма и приключений, жертвенности, гордую и сильную жизнь и героическую смерть» [19].

8. Нормативный нигилизм. Эта диспозиция связана с установкой на игнорирование законов и социальных норм поведения, убежденностью в том, что ради дела можно переступить через принятые в обществе нормы поведения. Здесь речь идет о демонстративном игнорировании социальных норм «большинства» и противопоставлении им норм своей социальной группы («моя жизнь – мои правила»). Часто это сопровождается демонстрацией презрения к «быдлу», т. е. к людям, соблюдающим законы. Очевидно, базой для такой диспозиции служит нерешенная потребность в персонализации, ведущая к «застреванию» индивида на второй, конфликтной, фазе индивидуации в модели личностного развития А.В. Петровского [22]. Противоположной диспозицией выступает понимание смысла законодательного регулирования и убежденность в необходимости соблюдать нормы поведения, даже те, которые индивиду не нравятся.

9. Анти-субъективизм. Эта диспозиция проявляется в неприятии субъективных проявлений: интроспекции, фантазии, чувственных переживаний и т. д. Диспозиция проявляется в акцентировании значимости физической реальности, в ориентации на простые идеи, непосредственные действия. Характерным признаком является демонстративное пренебрежительное отношение к гуманитарным наукам и психологии, к отдельным направлениям в художественной литературе, визуальном искусстве (например, к авангардизму, символизму, абстракционизму). Творческий подход, проявление чувств, сложные мыслительные модели вызывают непонимание и насмешки. В основе такой диспозиции лежат боязнь проявления подлинных чувств, избегание личной свободы (ответственности быть субъектом) и связанных с ней неопределенности и угроз своему Я.

Таким образом, описание диспозиций позволяет сосредоточиться не на базовых личностных потребностях и качествах, а на изменчивых, зато более прогностических категориях. Диспозиции не являются статичными элементами, их иерархия и состав могут меняться в зависимости от социальной ситуации и применительно к конкретным видам экстремизма. Перечисленные диспозиции могут служить как диагностическими критериями для оценки склонности к насильственному экстремизму (с помощью, например, соответствующих шкал установок), так и в качестве ориентиров при разработке профилактических и коррекционных технологий.

Литература

1. *Адорно Т.* Исследование авторитарной личности. М.: Академия исследований культуры, 2001. 416 с.
2. *Андреева Г.М.* Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2002. 364 с.
3. *Беликов С.* Антифа. Молодежный экстремизм в России. М.: Алгоритм, 2012. 256 с.

4. *Бримсон Д.* Бешенная армия: Облик футбольного насилия. СПб.: Амфора. 2009. С. 302.
5. *Бютнер К.* Жить с агрессивными детьми. М.: Педагогика, 1991. 144 с.
6. *Венедиктова Л.Н.* Концепт «война» в языковой картине мира (сопоставительное исследование на материале английского и русского языков): автореф. дисс... канд. филол. Наук. Тюмень, 2004. 19 с.
7. *Власова Е.В.* Речевая агрессия в печатных СМИ: На материале немецко- и русскоязычных газет 30-х и 90-х гг. XX века: автореф. дис... канд. филол. наук. Саратов, 2005. 22 с.
8. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Детская психология. М.: Педагогика, 1984. 432 с.
9. *Гарр Т.Р.* Почему люди бунтуют. СПб: Питер, 2005. 461 с.
10. Гришина Н.В. Ситуационный подход и его эмпирические приложения [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2012. Т. 5, № 24 URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 8.10.2016).
11. *Гурина О.Д.* Ксенофобские установки и личностные особенности подростков с девиантным поведением [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 1. С. 39–57.
12. *Давыдов Д.Г.* Военная идентичность как компонент общественного сознания // Социальные науки и современное общество. 2011. № 1. С. 65–76.
13. *Давыдов Д.Г.* Причины молодежного экстремизма и его профилактика в образовательной среде // Социология образования. 2013. № 10. С. 4–18.
14. *Дворянчиков Н.В., Ениколопов С.Н., Сокольская М.Д., Фурсова И.А.* Ценностные ориентации правых экстремистов // Психологическая наука и образование. 2010. № 5. С. 92–103.
15. *Дугин А.Г.* Философия политики. М.: Аркогея, 2004. 614 с.
16. *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 37–46.
17. *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Самоорганизация в проявлениях молодежного экстремизма // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 78–88.
18. *Кирсанов А.И., Давыдов Д.Г., Завальский А.В., Скрибцова Н.А.* Характеристика экстремизма в молодежной среде и его профилактика в образовательной организации (по результатам экспертного опроса) [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. №1. URL: http://psyedu.ru/journal/2014/1/Kirsanov_Davydov_Zavalskij_Skrib.phtml (дата обращения: 17.09.2016).

19. *Краткий курс НБП*. 2006 [Электронный ресурс]. URL: http://limonka.nbp-info.ru/print_1226837610.html (дата обращения: 21.07.2014).
20. *Майерс Д.* Социальная психология. СПб.: Питер, 2000. 688 с.
21. *Мак-Дауголл У.* Основные проблемы социальной психологии. М.: Космос. 1916. 281 с.
22. *Петровский А.В.* Проблема развития личности с позиций социальной психологии // Вопросы психологии. 1984. № 4. С. 15–29.
23. *Петровский В.А.* Психология неадаптивной активности. М.: Российский открытый университет, ТОО «Горбунок», 1992. 224 с.
24. *Поддьяков А.Н.* Конфронтационность в образе мира у участников образовательного процесса // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2004. № 1. С. 15–22.
25. *Поршнев Б.Ф.* Противопоставление как компонент этнического самосознания. М.: Наука. 1973. 88 с.
26. *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. М.: Наука, 1979. 232 с.
27. Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи (Центральный федеральный округ): сб. материалов социологического исследования / М-во регионального развития Российской Федерации, Правительство Белгородской обл., Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Белгородский гос. ун-т». Белгород: Константа, 2008. 319 с.
28. *Росс Л. Нисбетт Р.* Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. М.: Аспект Пресс, 2000. 429 с.
29. *Ротенберг В.С., Бондаренко С.М.* Мозг. Обучение. Здоровье. М: Просвещение, 1989. 239 с.
30. *Салазар.* Азбука Славянских Бритоголовых [Электронный ресурс] 2008. URL: <http://d-zubov.livejournal.com/28116.html> (дата обращения: 20.09.2014).
31. *Федунина Н.Ю., Сугизаки Э.* Насилие в школе. Осмысление проблемы в зарубежных источниках // Современная зарубежная психология. 2012. № 3. С. 71–85.
32. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М.: Флинта; Московский психолого-социальный институт; Прогресс, 2006. 248 с.
33. *Хадысов М.А.* Исследование причин и условий экстремизма как основа формирования политики противодействия экстремизму (криминологический аспект) // Фундаментальные исследования. 2015. № 2. С. 1811–1814.
34. *Ядов В.А.* О диспозиционной регуляции социального поведения личности //

Методологические проблемы социальной психологии / Под ред. Е.В. Шороховой. М.: Наука, 1975. С. 89–105.

35. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М.: Класс, 1999. 576 с.
36. Altemeyer B. The Authoritarian Specter. Cambridge: Harvard University Press, 1996. 384 p.
37. Dollard J., Dobb L.W., Miller N. E., Mowrer O.H., Sears R.R. Frustration and aggression. London: Routledge, 2001. 150 p.
38. Fein S., Spencer S.J. Prejudice as self-image maintenance affirming the self derogating others // Journal of Personality and Social Psychology. 1997. № 73. С. 31–44.
39. Finley, L. Building a peaceful society: Creative integration of peace integration. Charlotte, NC: Information Age Publishing, 2011. 216 p.
40. Tajfel H. Differentiation between social groups : studies in the social psychology of intergroup relations. London; New York: Published in cooperation with European Association of Experimental Social Psychology by Academic Press, 1978. 474 p.
41. Zuckerman M. Sensation seeking and risky behavior. Washington, DC: American Psychological Association, 2007. 309 p.

The personal dispositions of violent extremism

Davydov D.G, PhD (Psychology), Head of the Laboratory of adolescent socialization, Moscow city Psychological & Pedagogical Centre (DavydovDG@edu.mos)

The paper presents the differences in the nature of extremism and radicalism, and the necessity of introducing the concept of "violent extremism." It is shown that the ideology is the explanation of extremist behavior, rather than its cause. The ideology of extremism often eclectic, contradictory and can easily be transformed by changing the object of hostility, depending on the situation. For the description of the psychological causes of extremism it is proposed to use the concept of personal disposition. Disposition is the preferred way to subjective interpretation of reality and reflects both the specific needs of a person as well the typical social situations where it realized and personal experience. Considered the following dispositions of violent extremism: the Cult of force and aggression, Intolerance, Out-group hostility Conventional coercion, Social pessimism and destructiveness, Mystical, Fighting and overcoming, Nihilism to law, Anti-subjectivism. It is proposed to use these dispositions as diagnostic criteria and for preventing and correcting.

Key words: extremism, violence, personal dispositions, authoritarianism, ideology, diagnosis, prevention.

References

1. Adorno T. Issledovanie avtoritarnoi lichnosti [A study of the authoritarian personality]. Moscow: Publ. Akademiya issledovaniy kul'tury, 2001. 416 p.
2. Andreeva G.M. Sotsial'naya psikhologiya [Social Psychology]. Moscow: Publ. Aspekt Press, 2002. 364 p.
3. Belikov S. Antifa. Molodezhnyi ekstremizm v Rossii [Antifa. Youth extremism in Russia]. Moscow: Publ. Algoritm, 2012. 256 p.
4. Brimson D. Beshennaya armiya: Oblik futbol'nogo nasiliya [The face of football violence]. Saint-Petersburg: Publ. Amfora. 2009. p. 302.
5. Byutner K. Zhit' s agressivnymi det'mi [Live with aggressive children]. Moscow: Publ. Pedagogika, 1991. 144 p.
6. Venediktova L.N. Kontsept «voina» v yazykovoi kartine mira (sopostavitel'noe issledovanie na materiale angliiskogo i russkogo yazykov): Avtoref. diss... kand. filol. nauk [The concept of "war" in the linguistic image of the world (comparative research on a material of English and Russian). Ph. D. (Psychology) Thesis], Tyumen', 2004. 19 p.
7. Vlasova, E.V. Rechevaya agressiya v pechatnykh SMI: Na materiale nemetsko- i russkoyazychnykh gazet 30-kh i 90-kh gg. XX veka: Avtoref. dis... kand. filol. nauk

- [Verbal aggression in the print media: On a material of German and Russian-language newspapers the 30's and 90's. XX century. Ph. D. (Philology) Thesis]. Saratov, 2005. 22 p.
8. Vygotskii L.S. *Sobranie sochinenii v 6 t. T. 4. Detskaya psikhologiya* [Collected Works: in 6 vol. Vol.4. Child psychology]. Moscow: Publ. Pedagogika, 1984. 432 p.
 9. Gurr, T.R. *Pochemu lyudi buntuyut* [Why men rebel]. Saint-Petersburg: Piter, 2005. 461 p.
 10. Grishina N.V. *Situatsionnyi podkhod i ego empiricheskie prilozheniya* [Situational approach and its empirical applications] [Elektronnyi resurs] . *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Research]. 2012. 5(24). URL: <http://psystudy.ru> (Accessed 8.10.2016).
 11. Gurina O.D. *Ksenofobskie ustanovki i lichnostnye osobennosti podrostkov s deviantnym povedeniem* [Xenophobic attitude and the personal characteristics of adolescents with deviant behavior.]. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo* [Psychology and Law]. 2016(6). no. 1, pp. 39-57
 12. Davydov D.G. *Voennaya identichnost' kak komponent obshchestvennogo soznaniya* [Military identity as a part of Public mind]. *Sotsial'nye nauki i sovremennoe obshchestvo* [Social Science and Modern Society]. 2011. no.1, pp. 65-76.
 13. Davydov D.G. *Prichiny molodezhnogo ekstremizma i ego profilaktika v obrazovatel'noi srede* [The Causes of Youth Extremism and Ways to Prevent It in the Educational Environment]. *Sotsiologiya obrazovaniya* [Sociology of Education]. 2013. no.10, pp. 4-18.
 14. Dvoryanchikov N.V., Enikolopov S.N., Sokol'skaya M.D., Fursova I.A. *Tsenostnye orientatsii pravyykh ekstremistov* [Value Orientations of the Right-Wing Extremists]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education]. 2010. no.5, pp. 92-103.
 15. Dugin A.G. *Filosofiya politiki* [Political Philosophy]. Moscow: Arcogeia, 2004. 614 p.
 16. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. *Molodezhnyi ekstremizm. Sushchnost' i osobennosti proyavleniyav* [The nature and the peculiarities of manifestation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. 2008. no.5, pp. 37-46.
 17. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. *Samoorganizatsiya v proyavleniyakh molodezhnogo ekstremizma* [Self-organization in the manifestations of youth extremism]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. 2009. no.1, pp. 78-88.
 18. Kirsanov A.I., Davydov D.G., Zaval'skii A.V., Skribtsova N.A. *Kharakteristika ekstremizma v molodezhnoi srede i ego profilaktika v obrazovatel'noi organizatsii (po rezul'tatam ekspertnogo oprosa)* [Characteristics of extremism among youth and its prevention in the educational organization (based on the expert survey)] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru* [Psychological Science and Education PSYEDU.ru]. (Accessed 10.10.2016). (In Russ., Abstr. in Engl.).
 19. *Kratkii kurs NBP* [The brief guide of the National Bolshevik Party]. 2006. [Elektronnyi resurs] URL: http://limonka.nbp-info.ru/print_1226837610.html (Accessed 21.07.2014).

20. Myers D. Sotsial'naya psikhologiya [Social Psychology]. Saint-Petersburg: Publ. Piter, 2000. 688 p.
21. McDougall W. Osnovnye problemy sotsial'noi psikhologii [The main problems of social psychology]. Moscow: Publ. Kosmos. 1916. 281 p.
22. Petrovskii A.V. Problema razvitiya lichnosti s pozitsii sotsial'noi psikhologii [The problem of personality development from the standpoint of social psychology]. *Voprosy psikhologii [Questions of psychology]*. 1984. no.4, pp. 15-29.
23. Petrovskii V.A. Psikhologiya neadaptivnoi aktivnosti [Psychology maladaptive activity]. Moscow: Publ. Rossiiskii otkrytyi universitet, TOO "Gorbunok", 1992. 224 p.
24. Podd'yakov A.N. Konfrontatsionnost' v obraze mira u uchastnikov obrazovatel'nogo protsessa [Confrontational in the image of the world at participants of the educational process]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya [Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology.]* 2004. no.1, pp. 15-22.
25. Porshnev B.F. Protivopostavlenie kak komponent etnicheskogo samosoznaniya [The opposition as a component of ethnic identity]. Moscow: Publ. Nauka. 1973. 88 p.
26. Porshnev B.F. Sotsial'naya psikhologiya i istoriya [Social Psychology and History]. Moscow: Publ. Nauka, 1979. 232 p.
27. Prichiny rasprostraneniya etnicheskogo ekstremizma i ksenofobii sredi molodezhi (Tsentral'nyi federal'nyi okrug) : sbornik materialov sotsiologicheskogo issledovaniya [The reasons for the spread of ethnic extremism and xenophobia among young people (Central Federal District): a collection of materials of sociological research]. Publ. M-vo regional'nogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii, Pravitel'stvo Belgorodskoi obl., Federal'noe agentstvo po obrazovaniyu, Gos. obrazovatel'noe uchrezhdenie vyssh. prof. obrazovaniya "Belgorodskii gos. un-t". Belgorod: Publ. Konstanta, 2008. 319 p.
28. Ross, L. Nisbett R. Chelovek i situatsiya. Uroki sotsial'noi psikhologii [The man and the situation. Lessons from social psychology]. Moscow: Publ. Aspekt Press, 2000. 429 p.
29. Rotenberg V.S., Bondarenko S.M. Mozg. Obuchenie. Zdorov'e [Brain. Education. Health]. Moscow: Publ. Prosveshchenie, 1989. 239 p.
30. Salazar. Azbuka Slavyanskikh Britogolovykh [ABC for Slavic Skinheads] [Elektronnyi resurs] 2008. URL: <http://d-zubov.livejournal.com/28116.html> (data obrashcheniya 20.09.2014).
31. Fedunina N.Yu., Sugizaki, E. Nasilie v shkole. Osmyslenie problemy v zarubezhnykh istochnikakh [Violence in school. Understanding the problems in foreign sources]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya [Modern foreign psychology]*. 2012. no.3, pp. 71—85.
32. Fromm E. Begstvo ot svobody [Escape from Freedom]. Moscow: Flinta : Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut : Progress, 2006. 248 p.
33. Khadysov M.A. Issledovanie prichin i uslovii ekstremizma kak osnova formirovaniya politiki protivodeistviya ekstremizmu (kriminologicheskii aspekt) [The study of the

- causes and conditions of extremism as a basis for the policies to fighting extremism (criminological aspect)]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental Research]. 2015. no.2, pp. 1811-1814.
34. Yadov V.A. O dispozitsionnoi regulyatsii sotsial'nogo povedeniya lichnosti [The dispositional regulation of person social behavior] In *Metodologicheskie problemy sotsial'noi psikhologii. [dispositional regulation of social behavior of the person]*. Moscow: Nauka, 1975, pp. 89-105.
 35. Yalom I. *Ekzistentsional'naya psikhoterapiya* [Existential psychotherapy]. Moscow: Publ. Klass, 1999. 576 p.
 36. Altemeyer B. *The Authoritarian Specter*. Cambridge: Harvard University Press, 1996. 384 p.
 37. Dollard J., Dobb L.W., Miller N. E., Mowrer O.H., Sears R.R. *Frustration and aggression*. London,: Routledge, 2001. 150 p.
 38. Fein, S., Spencer, S.J. Prejudice as self-image maintenance affirming the self derogating others. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1997. no.73, pp. 31—44.
 39. Finley, L. *Building a peaceful society: Creative integration of peace integration*. Charlotte, NC: Information Age Publishing. 2011. 216 p.
 40. Tajfel H. *Differentiation between social groups : studies in the social psychology of intergroup relations*. London; New York: Published in cooperation with European Association of Experimental Social Psychology by Academic Press. 1978. 474 p.
 41. Zuckerman M. *Sensation seeking and risky behavior*. Washington, DC: American Psychological Association. 2007. 309 p.